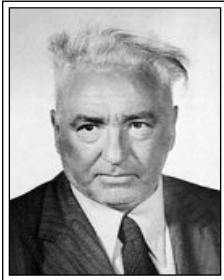
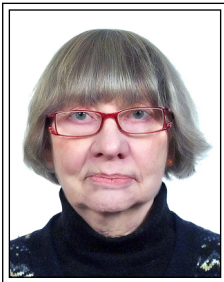

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Вильгельм РАЙХ (1897–1957)

австрийский и американский психолог, один из основоположников европейской школы психоанализа

Валентина КУЛАГИНА-ЯРЦЕВА
(перевод)

научный сотрудник сектора истории антропологических учений. Институт философии Российской академии наук. 109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: yartseva@tochka.ru

ЛОВУШКА, В КОТОРОЙ ОКАЗАЛСЯ ЧЕЛОВЕК

Издательство «Канон+» готовит к выпуску сочинение видного австрийского психолога и психиатра, одного из лидеров классического психоанализа Вильгельма Райха (1897–1957). Мы публикуем материал, в котором тема изложена живым, эмоционально насыщенным языком. Основная идея Райха состоит в том, что современная культура репрессирует телесные радости. Поэтому он выступает как сторонник гедонизма, прежде всего связанного с полной любовных переживаний. По мнению этого исследователя, человек издавна попал в ловушку, которая наложила табу на сексуальность. Эта ловушка крепко закабалела людей. От неё нужно избавиться, чтобы получить радость от жизни и обрести глубочайшие переживания любви.

Человек, по мнению В. Райха, утратил свободу. А ведь он рождается свободным. Каким же образом человек обрёл оковы? Человек проходит по жизни рабом. Нет сомнения в том, что какие-то общественные силы заинтересованы в его несвободе и мешают получить верный ответ на вопрос, где источник рабства. В канонических традициях философии жизни Райх выступает от имени Жизни и критикует тех, кто исповедует уклонение от неё. Такое противодействие жизни, её богатейшим проявлениям Райх называет эмоциональной чумой человечества.

Райх перечисляет примеры того, что в существовании человечества служит Злу. Он критикует войны, убийства, агрессию. Автор отмечает, что человечество разработало множество философских систем, чтобы овладеть природой. Но природа, такая, какая она на самом деле, функциональная, а не механистическая, выскользывает у него меж пальцев. Даже после трёх тысячелетий не получила ясности человеческая природа. Наука так и не сумела открыть абсолютные истины. Конечно, такая задача и непосильна для науки. Она находится в вечном познании. И современный космос уже не трактуется так, как это представляется В. Райху. Механическая трактовка космических процессов ушла в прошлое. Но критический пафос Райха неутомим. Он полагает, что разум и плоть, функционируя в одном и том же организме, всё ещё разделены в человеческом понимании. Совершенно точная физика не так уж точна, как и святые не так уж святые. Механико-рационалистическая точка зрения полностью провалилась. Что-то, по мнению Райха, мешает познанию человека. С этой точки зрения психоаналитик критикует выдающихся европейских мыслителей. Но он полагает, что их философские изыскания не затронули человечества.

На что же уповает Райх? На разработанный им телесно-ориентированный психоанализ. Таков выход в бесконечные открытые просторы. Философские взгляды В. Райха наивны и утопичны. Но он является одним из основателей классического психоанализа. В этом смысле наиболее интересны конкретные размышления Райха о психосексуальных проблемах. Живая жизнь, по его словам, функционирует вокруг нас, в нас самих, в наших чувствах, перед самым нашим носом, ясно видимая в каждом животном, дереве или цветке. Мы ощущаем её в своём теле, в своей крови. Но при этом для пойманных в ловушку она остаётся величайшей, недоступнейшей из всех загадок.

Так Райх подступает к проблеме структуры человеческих характеров. Райхианская характерология действительно является значительным достижением психоанализа. Поэтому значительны его размышления о глубинной сущности характера человека.

В. Райх стремится выделить основные, типичные черты столкновения между врождённым, в высшей степени эмоциональным самовыражением детей и теми качествами механизированной, «бронированной» человеческой структуры, которые, в общем и в частности, противостоят им и борются с ними. Без учёта бесчисленных вариаций человеческого поведения анализ характера до сих пор был успешным в выделении основных образцов и закономерных следствий человеческих реакций. Он производится весьма обширно с учётом неврозов и

психозов. Так, Райх характеризует типичную динамику эмоциональной чумы. Специфические описания индивидуальных реакций чумы должны быть подробными, чтобы вооружить преподавателя и врача необходимыми знаниями.

Ключевые слова: невроз, человек, психоанализ, эмоциональная чума, Жизнь, характер, человеческая природа, свобода, ловушка, чувства

«**Ч**еловек рождается свободным, но повсюду он в оковах. Иной мнит себя повелителем других, что не мешает ему быть рабом в большей ещё мере, чем они. Как совершилась эта перемена? Не знаю. Что может придать ей законность? Полагаю, что этот вопрос я смогу разрешить» [2, с. 198].

Жан-Жак Руссо задал этот вопрос в самом начале своего трактата «Об общественном договоре» около двухсот лет назад. Пока ответ на этот вопрос не найден, от создания новых общественных договоров мало пользы. В течение многих лет в человеческом обществе действует нечто, что делает бессильной любую попытку разрешить эту великую загадку, хорошо известную всем лидерам человечества в последние несколько тысячелетий: человек рождается свободным, но проходит по жизни рабом. До сих пор никакого ответа не найдено. Очевидно, в человеческом обществе есть нечто, препятствующее тому, чтобы задать верный вопрос и получить верный ответ. Вся философия человечества опровергается кошмаром напрасных поисков. Это хорошо скрытое «нечто» действует, не позволяя поставить вопрос верно. Следовательно, это нечто постоянно и успешно отвлекает внимание от трудно находимых подходов к тому, на что это внимание должно быть направлено. Способ, которым это хорошо скрытое нечто отвлекает внимание от самой главной загадки, это уклонение от живой Жизни. Это скрытое нечто – ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ЧУМА ЧЕЛОВЕКА.

От верной формулировки загадки будет зависеть внимание, направленное надлежащим образом, а это, в свою очередь, даст возможность обнаружить верный ответ относительно того, как получается, что человек всегда рождается свободным и всё же оказывается рабом. Разумеется, общественный договор, честно предназначенный для того, чтобы поддерживать жизнь в человеческом обществе, это важнейшая задача. Но до сих пор ни один общественный договор не решил проблемы страданий человека. Общественный договор в лучшем случае не больше, чем паллиатив, поддерживающий жизнь, и потому он не может устранить страдания человека.

Вот слагаемые великой загадки:

- Люди рождаются равными, но вырастают неравными.
- Человеком созданы великие учения, но каждое самое простое учение служит его угнетению.

– Человек – это «сын Божий», созданный по Его подобию; но человек грешен, он – жертва дьявола. Как могут существовать Дьявол и Грех, если только Бог – творец всего сущего?

– Человечество не смогло ответить на вопрос, как может существовать Зло, если совершенный Бог создал человека и мир и правит ими.

– Человечество не смогло создать нравственную жизнь, которая соответствовала бы её творцу.

– Человечество несёт урон от войн и убийств всяческого рода с начала письменной истории. Ни одна попытка справиться с этой чумой никогда не увенчивалась успехом.

– Человечество создало множество религий. И каждая на свой лад подавляет человека и несёт ему страдания.

– Человечество разработало множество философских систем, чтобы овладеть природой. Но природа, такая, какая она на самом деле, функциональная, а не механистическая, выскальзывает у него меж пальцев.

– Человечество стремится к любой надежде и знанию. Но после трёх тысячелетий поисков и тревог, разочарований, расправ с инакомыслящими, погони за мнимыми ошибками добилось немногим большего, чем некоторое количество удобств для небольшой части человечества, чем автомобили и аэропланы, холодильники и радио.

После тысячелетий попыток разрешить загадку природы человека человечество оказывается точно с тем же, с чем начало свой путь: с признанием собственного полного невежества. Мать всё так же беспомощна перед кошмарами, которые ночью мучают её ребёнка, да и врач всё так же беспомощен перед таким простым явлением, как насморк.

Общепризнано, что наука не открывает абсолютной истины. Механистическая вселенная Ньютона не соответствует подлинной вселенной, не механистической, а функциональной. «Правильные» круги Коперниковой картины мира ошибочны. Эллиптических орбит планет Кеплера не существует. Математика оказывается не тем, чем она, по утверждениям, должна быть. Космос не пуст, хотя никто никогда не видел атомов или зародышей амёб. Неправда, что химия может разрешить проблему живой материи, да и надежда на гормоны тоже не оправдалась. Подавленное подсознание, которое казалось последним словом в психологии, превратилось в артефакт недолгого периода цивилизации механико-мистического типа. Разум и плоть, функционируя в одном и том же организме, всё ещё разделены в человеческом понимании. Совершенно точная физика не так уж точна, как и святые не так уж святы. Проблем не разрешит ни открытие новых звёзд и комет или галактик, ни новые математические формулы. Философские рассуждения о значении Жизни бесполезны до тех пор, пока человек не знает, что такое Жизнь. И поскольку «Бог» есть Жизнь, что является очевидным, непосредственным знанием всех людей, польза от поисков Бога или от служения ему невелика, если человек не знает, чему служит.

Получается, что всё указывает на один факт: существует нечто, в основе и сути своей неправильное, во всей системе методики самопознания человека.

Механико-рационалистическая точка зрения полностью провалилась.

Локк, Юм, Кант, Гегель, Маркс, Спенсер, Шпенглер, Фрейд и все остальные действительно были великими мыслителями, но каким-то образом мир всё же так и остался пустым, а все эти философские изыскания не затронули человечества. Скромность здесь тоже ни к чему не приводит. Это зачастую не более, чем уловка, чтобы скрыть свою попытку избежать основных проблем. Аристотель, царивший в философии в течение веков, оказался неправ, и мало к чему привела мудрость Платона и Сократа. Эпикур не добился успеха, как не добился и ни один святой.

После пагубного опыта последней мощной попытки человечества, предпринятой в России, попытки овладеть своей судьбой, велико искушение принять католическую точку зрения. Разрушительный результат таких попыток оказывается слишком радикальным. Куда бы мы ни обратились, мы видим, как человек ходит по кругу, словно в ловушке, и напрасно и отчаянно ищет выхода.

Найти выход из ловушки ВОЗМОЖНО. Однако чтобы вырваться из тюрьмы, сначала следует признать, *что ты в тюрьме. Ловушка – это эмоциональная структура человека, его структура характера.* В разработке философских систем относительно природы ловушки мало пользы, если на самом деле единственное, что нужно сделать, чтобы выбраться из ловушки, это узнать, какова она, и обнаружить выход. Всё остальное совершенно бесполезно: распевать гимны о страданиях пребывания в ловушке, наподобие рабов-негров; или слагать поэмы о прелести свободы за пределами ловушки, о которых мечтаешь, сидя внутри ловушки; или обещать жизнь за пределами ловушки после смерти, как обещает католицизм своим приверженцам, или утверждать *«semperignorabimus»*¹, как поступают отошедшие от дел философы; или строить философскую систему вокруг отчаяния, которым проникнута жизнь в ловушке, как Шопенгауэр, или мечтать о сверхчеловеке, который разительно отличался бы от человека в ловушке, как это делал Ницше, пока, оказавшись в сумасшедшем доме, не написал наконец полную правду о себе, но слишком поздно...

Первое, что нужно сделать, это обнаружить выход из ловушки.

Природа ловушки не представляет интереса, кроме как в единственном пункте: **ГДЕ ВЫХОД ИЗ ЛОВУШКИ?**

Можно украшать ловушку, чтобы жизнь в ней стала удобнее. Этим занимались все: Микеланджело, Шекспиры и Гёте. Можно делать паллиативные открытия, чтобы обеспечить долгую жизнь в ловушке. Этим занимались Мейеры, Пастеры и Флеминги. Можно достичь большого искусства в лечении переломанных при падении в ловушку костей.

¹ «Мы этого никогда не узнаем» (лат.).

Основной пункт остаётся всё тем же: найти выход из ловушки.
ГДЕ ВЫХОД В БЕСКОНЕЧНЫЕ ОТКРЫТЫЕ ПРОСТОРЫ?

Выход остаётся не найденным. В этом величайшая загадка. Самое смешное и в то же время трагичное – это то, что:

ВЫХОД ЯСНО ВИДЕН ВСЕМ, ПОПАВШИМ В ЛОВУШКУ. НО, КАЖЕТСЯ, НИКТО НЕ ЗАМЕЧАЕТ ЕГО. ВСЕ ЗНАЮТ, ГДЕ ВЫХОД. НО НИКТО НЕ СОВЕРШАЕТ И ДВИЖЕНИЯ ПО НАПРАВЛЕНИЮ К НЕМУ. БОЛЕЕ ТОГО: ЕСЛИ КТО-ТО ДВИЖЕТСЯ К ВЫХОДУ ИЛИ КТО-ТО УКАЗЫВАЕТ НА НЕГО, ИХ ТОТЧАС ЖЕ ПРОВОЗГЛАШАЮТ БЕЗУМНЫМИ, ИЛИ ПРЕСТУПНИКАМИ, ИЛИ ГРЕШНИКАМИ, КОТОРЫМ УГОТОВАН АД.

Оказывается, дело не в ловушке и даже не в том, чтобы найти выход из неё. Дело В ТЕХ, КТО НАХОДИТСЯ В ЛОВУШКЕ. Это, если смотреть, находясь за пределами ловушки, кажется простому уму непостижимым. Даже в какой-то степени безумным. *Почему они не видят ясно видимого выхода и не движутся к нему?* Оказавшись поблизости от выхода, они начинают стенать и бегут от него прочь. Как только кто-то попытается выйти, его убивают. Очень немногим удаётся выскользнуть из ловушки под покровом ночи, пока все спят.

Именно в этой ситуации оказывается сам Иисус Христос. А все остальные, когда убивают Христа, ведут себя как жертвы ловушки.

Живая Жизнь функционирует вокруг нас, в нас самих, в наших чувствах, перед самым нашим носом, ясно видимая в каждом животном, дереве или цветке. Мы ощущаем её в своём теле, в своей крови. Но при этом для пойманных в ловушку она остаётся величайшей, недоступнейшей из всех загадок.

Однако Жизнь не загадка. Загадка в том, как она могла оставаться неразрешённой такой долгий срок. Великая проблема биогенеза и биоэнергетики легко доступна непосредственному наблюдению. Великая проблема Жизни и происхождения жизни носит *психиатрический* характер; это проблема структуры характера человека, который так долго успешно избегал её разрешения. Раковая опасность не так страшна, как казалось. Проблема в структуре характера врачей-онкологов, которые так мастерски запутали её.

Проблема человека в ЭЛЕМЕНТАРНОМ ИЗБЕГАНИИ СУЩНОСТИ. Уклонение и избегание – часть глубинной структуры человека. Бегство от выхода из ловушки – результат этой структуры человека. Человек боится выхода из ловушки и ненавидит его. Он оказывает жестокое сопротивление любой попытке найти выход. В этом великая загадка.

Всё это звучит, очевидно, безумно для живущего внутри ловушки. Всё это означало бы смерть для произносящего столь безумные речи, если бы он был в ловушке вместе с ними или если бы он был членом академии наук, которая тратит массу времени и денег на подробное изучение стен ловушки. Или если бы он был служащим индустриаль-

ного концерна, который делает всё возможное для того, чтобы жизнь в ловушке стала как можно удобнее. Это означало бы смерть в той или иной форме: или в результате остракизма, или в тюремном заключении за нарушение какого-либо закона, или, при соответствующих обстоятельствах, на электрическом стуле. Преступники – это люди, которые находят выход из ловушки и кидаются к нему, применяя насилие против своих собратьев по ловушке. Сумасшедшие, которые гниют в больницах и которых, словно ведьм в средние века, пытаются электрошоком, тоже пойманы в ловушку, видят выход, но не могут победить общий страх перед приближением к нему.

За пределами ловушки, совсем рядом, существует живая Жизнь – во всём, что видит глаз, слышит ухо и обоняет нос. Для жертв внутри ловушки это вечные страдания, муки, подобные танталовым. Видеть Жизнь, чувствовать, обонять, вечно жаждать её и никогда, никогда не суметь покинуть ловушку. Выйти из ловушки просто становится невозможно. Это может случиться только в мечтах, в стихах, в великой музыке и живописи, но сам ты выбраться из ловушки не можешь. Ключи от выхода намертво спрятаны в твоей собственной «броню» характера и в механической застылости тела и души.

Это великая трагедия. И Христос знал о ней.

Если слишком долго живёшь в тёмном подвале, то начинаешь ненавидеть солнечный свет. Может даже случиться, что глаза перестанут выносить его. Это порождает ненависть к солнечному свету. Живущие в ловушке, чтобы приспособить своих потомков к жизни в ней, развивают разнообразные методики поддержания жизни на существующем низком уровне. В ловушке недостаточно места для свободы мысли или действия. Любое движение ограничено. За долгое время это привело к уродованию самих органов живой Жизни. У созданий в ловушке исчез смысл полной Жизни.

Однако осталась глубокая жажда счастья и воспоминания о давней, до попадания в ловушку, счастливой Жизни. Но жаждой и воспоминаниями нельзя жить в реальности. Поэтому из этой напряжённости вырастает *ненависть к Жизни*.

...Эта основная характеристика *убийства Жизни человеческим существом «в броню»* маскируется множеством способов и форм. Суперструктура социального существования человека так же, как экономика, война, иррациональные политические движения и социальные организации, служащие притеснению Жизни, затемняют основную трагедию, которая окружает человеческое существо, потоком того, что можно назвать рационализацией, тщательно скрывая уклонение от истинной проблемы, основываясь вдобавок на совершенно логической и последовательной рациональности, которая имеет силу только внутри границ закона против преступления, государства против народа, нравственности против секса, цивилизации против природы, полиции против

преступников и так далее по всей линии человеческих страданий. До тех пор, пока человек не выберется из этой бойни и не сделается недосягаемым для шумихи, нет возможности преодолеть эту трясину. Мы спешим уверить читателя, что не считаем эту шумиху и пустые занятия просто иррациональной, бесцельной и бессмысленной деятельностью. Это основная черта трагедии – что эта бессмыслица имеет силу, она значима и необходима, хотя лишь в своём собственном царстве и при определённых заданных условиях человеческого поведения. Но здесь, на крепком скальном основании, покоится пагубная иррациональность. И даже молчание, которым окружены функция оргазма, функция жизни, убийство Христа и тому подобные основные проблемы человеческого существования в течение тысячелетий, имеет здравый смысл для скрупулёзного исследователя человеческого поведения.

Если человеческая раса обретёт знание о функциях Жизни, о функциях оргазма или о тайне убийства Христа сразу и целиком, она столкнётся с самым худшим. Это достаточно разумная причина для того, чтобы человеческая раса отказывалась познать глубины и истинные движущие силы своих постоянных несчастий. Такой внезапный прорыв знаний вывел бы из строя и разрушил всё то, что ещё каким-то образом позволяет человеческому обществу существовать, несмотря на войны, голод, эмоциональные массовые убийства, страдания детей и т. д.

Было бы безумием начинать огромные проекты, подобные «Детям Будущего» или «Гражданам Мира», не понимая того, как получается, что все эти страдания длятся тысячелетиями, оставаясь неузнанными, неизменными, не ослабевая ни на йоту; что ни одна из блестящих попыток прояснить и уменьшить это не увенчалась успехом; что любой шаг к осуществлению этой великой мечты лишь приводил к усилению и углублению страданий; что ни одно религиозное вероисповедание не преуспело в осуществлении своих целей, несмотря на самые лучшие намерения; что любое великое деяние оборачивалось угрозой для человечества (например, социализм и братство, превратившиеся в стагнацию и самого худшего сорта подавление людей). Коротко говоря, продумывать такие серьёзные проекты, не взглянув сначала вокруг и не зная, что в течение веков убивает человечество, было бы преступлением. Это могло бы лишь добавить человеку страданий. В настоящее время доскональное исследование убийства Христа намного важнее, чем самые прекрасные дети, которых мы могли бы вырастить. Любая надежда пробиться когда-либо через трясину страданий при обучении была бы потеряна навсегда, безвозвратно, если вот эта новая, вселяющая надежду попытка вырастить детей по-новому была бы провалена и превратилась бы в свою полную противоположность, как случалось со всеми прежними вселявшими надежду задачами, которые когда-либо ставили перед собою люди. Пусть здесь не будет ошибки: *изменение структуры человеческого характера путём коренной перемены в общем понимании*

и в практике воспитания детей связаны с самой Жизнью. Глубочайшие эмоции человеческого существа могут когда-нибудь обогнать любые другие функции существования по масштабу, глубине и значимости. Если бы эта решающая попытка провалилась, последовавшие от этого страдания были бы глубже. Нет ничего более разрушительного, чем жизнь, раздражённая обманутой надеждой. Не будем забывать об этом.

Очевидно, что мы не сможем разработать эту проблему совершенным, академическим, подробным образом. Мы сможем лишь внимательно рассмотреть территорию, чтобы понять, где таятся сокровища, которые можно использовать в будущем, где в лесах бродят дикие звери, где кроются западни, в которых пришелец может погибнуть, и понять, как всё это существует и действует. Мы не хотим потерпеть неудачу из-за своего нетерпения, из-за повседневной рутины или даже из-за интересов, которые не имеют ничего общего с проблемой образования. На встрече преподавателей-оргономистов, состоявшейся несколько лет назад, было сказано, что образование – это проблема нескольких следующих столетий. Скорее, первые несколько поколений Детей Будущего не смогут противостоять разнообразному влиянию эмоциональной чумы. Они непременно будут уступать там и тут, мы не знаем точно, каким образом. Но есть надежда, что понемногу общее осознание Жизни будет развиваться в этих детях нового типа, будет распространяться во всём человеческом сообществе. Преподаватель, который превращает образование в выгодный бизнес, не будет заинтересован в образовании, если он поймёт, что именно так всё и произойдёт. Давайте опасаться преподавателя такого типа.

Преподаватель будущего будет систематически (но не автоматически) делать то, что делает сегодня каждый хороший, настоящий преподаватель: он будет чувствовать черты живой Жизни в ребёнке, будет осознавать его специфические качества и способствовать их наиболее полному развитию. Пока социальное направление остаётся таким, каково оно в преобладающей мере сегодня, т. е. обращённым против этих врождённых качеств живого эмоционального выражения, перед настоящим преподавателем будет стоять двойная задача: он должен будет понимать естественное эмоциональное выражение, различное у каждого ребёнка, и должен будет научиться справляться с ближайшим и отдалённым окружением, если оно выступает против этих живых качеств. Только в каком-то отдалённом будущем, когда такое осознанное воспитание детей сможет смягчить суровое противоречие культуры и природы, когда биоэнергетическая и социальная жизнь человека будут не противостоять, а поддерживать, дополнять и усиливать одна другую – только тогда эта проблема перестанет быть опасной. Мы должны быть готовы к тому, что этот процесс окажется медленным, болезненным, что он потребует большого самопожертвования. Многие падут жертвами эмоциональной чумы.

Наша следующая задача – выделить основные, типичные черты столкновения между врождённым, в высшей степени эмоциональным самовыражением детей и теми качествами механизированной, «бронированной» человеческой структуры, которые, в общем и в частности, противостоят им и борются с ними.

Без учёта бесчисленных вариаций человеческого поведения анализ характера до сих пор был успешным в выделении основных образцов и закономерных следствий человеческих реакций. Он производится весьма обширно с учётом невротиков и психозов. Мы не станем пытаться делать то же самое, учитывая типичную динамику эмоциональной чумы. Специфические описания индивидуальных реакций чумы должны выполняться довольно подробно, чтобы вооружить преподавателя и врача необходимыми знаниями.

В христианском мире и в культурах, на которые прямо или косвенно воздействует христианство, явно обозначено противоречие между «грешным человеком» и его «Богом». Человек рождён «по образу Божию». Его воодушевляют стать «богоподобным». Но он «грешен». Как случилось, что «грех» пришёл в этот мир, если мир создан Богом? В реальном поведении человек бывает и богоподобным, и грешным. «Богоподобным» он был сначала, затем в его существование вторгся «грех». Конфликт между божественным идеалом и грешной реальностью вызван катастрофой, которая превратила божественное в дьявольское. Это справедливо как для социальной истории человека, так и для развития каждого ребёнка с тех пор, как механико-мистическая цивилизация стала разрушать «богоподобные» качества человека. Человек происходит из рая и продолжает стремиться к раю. Человек так или иначе возник из Вселенной и жаждет вернуться в неё. Такова реальность, если мы научились читать язык эмоционального выражения человека. Человек в основе своей добр, но в то же время груб и жесток. Изменения от доброго к «жестокому» происходят в каждом ребёнке. Следовательно, Бог ВНУТРИ ЧЕЛОВЕКА, его не следует искать только вне. Царство Небесное – это Царство внутренней красоты и добра, а не мистическое «за гробом», с ангелами и чертями, в которое грубое животное в человеке превратило свой утерянный рай.

Жестокий преследователь и убийца Христа Савл из Тарса ясно, хотя и тщетно различал «ТЕЛО», богоподобное и хорошее, и «ПЛОТЬ», одержимую дьяволом и плохую, заслуживающую сжигания на костре тысячу лет спустя, когда он превратился в Павла, создателя церкви. В этом раннехристианском различии между «телом» и «плотью» предвосхищено наше оргономическое различие «первичных», естественных, врождённых, побуждений («Бог») и «вторичных», извращённых, грешных, побуждений («Дьявол», «Грех»). Следовательно, человечество всегда в какой-то мере осознавало как своё основное биологическое состояние, свой естественный дар, так и своё биологическое вырождение. В хри-

стианской идеологии резко выражено трагическое противопоставление «БОГА» (одухотворённого тела) и «ДЬЯВОЛА» (тела, выродившегося в плоть). В реальном человеке «богоданный» генитальный контакт превратился в порнографическое спаривание мужчины и женщины.

У человека, «одетого в броню», стремление к генитальному контакту с другим живым существом может быть столь же сильным, как и у человека, который подобной брони лишён. В большинстве случаев оно оказывается даже сильнее, поскольку закованный в броню организм не способен достичь полного удовлетворения. Если Жизнь просто любит, то жизнь, стеснённая «броней», – «трахается». Жизнь с большой буквы полностью свободна в своих любовных проявлениях, ибо позволяет им, как и всем остальным своим функциям, постепенно развиваться от самого момента зарождения до сияющих вершин, ознаменованных восторгом и радостью свершения; при этом совершенно безразлично, будет ли это развитие дерева от крошечного ростка до той стадии, на которой оно начнёт цвести и плодоносить, или же создание и совершенствование философской системы, способной привести к освобождению человечества. Точно так же и любовь истинной Жизни постепенно развивается от первого откровенного взгляда до трепетных объятий, когда партнёры полностью растворяются друг в друге. Важно также, что Жизнь несколько не спешит завершить дело подобным объятием. Она никогда не торопится, за исключением тех отдельных случаев, когда длительные периоды полного воздержания делают разрядку накопленной жизненной энергии насущно необходимой. Напротив, «бронированный» человек, запертый в темнице собственного закоснелого организма, изо всех сил стремится к соитию. Его ужасный язык достаточно наглядно передаёт тот спектр эмоций, которые он надеется ощутить, «взяв» её силой или соблазнив. Почти невозможно представить себе, чтобы мужчина мог хотя бы сколько-нибудь времени находиться в одной комнате с женщиной и не сделать ни одной «попытки», чтобы «поймать» её; точно так же и женщина не может находиться один на один с мужчиной, не боясь агрессии с его стороны. Подобное положение дел вызвало к жизни такое унижительное для человеческого достоинства явление, как компаньонство. Следует, однако, отметить, что в наши дни оно постепенно исчезает, поскольку естественная генитальность всё больше и больше проникает в сознание людей.

Что касается Жизни, то она вполне способна находиться в одной постели с потенциальным половым партнёром и при этом даже не задумываться о соитии, если к этому не ведёт естественный ход событий. Жизнь никогда не начинается с конца, со свершения – она до него дорастает. И, как и во всех остальных областях её функционирования, это делается от любви и ради любви. Жизнь никогда не пишет книг просто ради того, чтобы «быть, как все»; она никогда не делает своей работы только для того, чтобы отчёт о ней попал в утренние газеты – она пишет не «для

людей», а о фактах и процессах. И если Жизнь строит надёжный мост, то только для того, чтобы безопасно перебраться через бурный поток, а вовсе не для того, чтобы получить награду на следующем ежегодном конгрессе Инженерного общества.

И точно так же, встретив свою потенциальную пару, Жизнь никогда не начинает с соития. Эта встреча – просто встреча; на первых порах она ещё не означает ничего особенного. Партнёры могут тут же расстаться снова; могут пройти рядом несколько шагов и только потом разойтись, но могут и дойти до конца, до полного слияния. Объясняется это тем, что у Жизни нет никакого заранее подготовленного плана относительно того, что произойдёт в будущем; она просто даёт событиям развиваться естественно. Будущее, таким образом, вырастает из непрерывного потока настоящего, которое, в свою очередь, возникает из прошлого. При этом, разумеется, устремлённые в будущее мысли, мечты и надежды Жизни никуда не исчезают; просто в данном случае будущее не определяет настоящего, как происходит в мире «бронированной» жизни. Жизнь, если она хочет расти и развиваться свободно, должна уметь стоять на собственных ногах, а для этого ей необходимо вырабатывать в себе навыки нормального функционирования. Так, опытный врач или квалифицированный биолог являются носителями некоей суммы знаний и умений, которые развиваются в них естественным образом благодаря исполнению ими определённых операций. Закоснелая, «бронированная» жизнь, напротив, с самого начала мечтает стать знаменитым врачом, модным хирургом, которым все восхищаются и который стремится только к одному – чтобы восторженные статьи о его замечательной клинике как можно чаще появлялись в самых крупных газетах самой развитой страны, что в конечном итоге приведёт его к богатству.

Так представляет себе «успех» человек, одетый в «броню». Пример этот можно варьировать *ad libitum*², применяя его к великому фюреру нации, к гениальному вождю или же к великому отцу народов, населяющих великую Россию, занимающую большую часть суши. Во всех этих случаях основной мотив был и остаётся неизменным, как остаётся неизменной тенденция ускорять события, начинать с конца то, что должно было расти органично, естественно. К примеру, исследование раковой патологии, начинавшееся когда-то с попыток разгадать загадку появления раковой клетки, в конце концов упёрлось в вирусную теорию рака. Решение же оказалось там, где его меньше всего ожидали найти; оказывается, проблему можно было решить, просто наблюдая за самыми обыкновенными травинками, мокнущими в самой обыкновенной, глупой воде. Напротив, Жизнь никогда не начинает книгу с заглавия и предисловия. Они обычно пишутся в последнюю очередь, поскольку их предназначение состоит в том, чтобы отражать всё содержание, но ведь

² По желанию (лат.).

охватить целое до того, как работа будет закончена, невозможно! Точно так же никто не начинает строительство дома с мебелировки. Сначала требуется заложить фундамент, однако прежде, чем спроектировать его, необходимо иметь общее представление о том, каким бы вы хотели видеть готовый дом изнутри.

Все самые сентиментальные мечты о счастливом супружестве начинаются с потери девственности в первую брачную ночь и в конце концов тонут в сточной канаве глубочайшего супружеского несчастья. И снова одетый в «броню» человек не даёт людям понять, что брак тоже должен медленно расти от семени к плоду. На то, чтобы вырастить плодоносящее дерево, требуются многие годы. Супружеская *любовь* не имеет ничего общего с *разрешением на брак*. Вместе с тем развитие любви супругов подчинено самым простым законам, и обеспечить его достаточно легко. Само нарастание этого чувства; постоянное ощущение движения вперёд; способность взглянуть на партнёра по-новому; отыскание новых, как приятных, так и не очень, черт в характере друг друга – всё это само по себе приносит величайшее наслаждение. Это чувство не даёт вам остановиться, застыть. Оно заставляет вас изменяться в процессе собственного естественного развития. Оно помогает вам выглядеть лучше, чем обещает реклама самого модного мыла, и позволяет сохранить способность краснеть, когда это необходимо. Даже на то, чтобы познать вашего партнёра телесно, требуются месяцы, иногда – годы. Открывая для себя тело своего возлюбленного или возлюбленной, вы испытываете наслаждение высшего порядка – точно так же, как и когда вы успешно преодолеваете первоначальные трудности, сопровождающие процесс притирки, приспособления друг к другу двух живых организмов. В минуты наивысшего возбуждения он может вести себя недостаточно нежно и осторожно, а она может бояться целиком отдаться произвольному, не подозревая, насколько это сладостно. В первое время он может быть слишком «торопливым», а она – чересчур «холодной» и наоборот. Но именно поиск общего для обоих высшего наслаждения, вызванного полным слиянием двух находящихся в беспрепятственном движении энергетических систем, которые мы называем женщиной и мужчиной, – равно как и взаимное, не нуждающееся в словах открытие всё новых и новых путей к взаимному обогащению чувственных ощущений и общий, истинно космический трепет – всё это доставляет наслаждение, чистое, как вода горного ручья, и изысканное, как запах прекрасного цветка ранним весенним утром. Продолжительный согревающий душу любовный опыт, постоянный тесный контакт, взаимные уступки и физический восторг – всё это и образует крепкую естественную связь, которая неизменно присутствует в каждом браке, взрослом естественным путём. Генитальный контакт представляет собой высший пункт этого постоянного наслаждения, как во время долгого путешествия по горам каждый перевал снова и снова возвращает

вас в долины, в ночную мглу и непогоду. И, спускаясь вниз, вы каждый раз знаете, что на самом деле продолжаете двигаться вперёд, к новым вершинам, вознесшимся высоко над глубокими, сумрачными горными долинами. Когда же вы достигаете новой вершины, она всякий раз оказывается другой, не похожей на весь ваш прошлый опыт, поскольку жизнь никогда не бывает одинаковой; так отличаются друг от друга даже два последовательных мгновения одного и того же действия. И вам вовсе не обязательно стремиться быть «наверху», чтобы любоваться долинами или рассказывать другим, сколько горных вершин вы покорили за прошедшие две недели. Большую часть времени вам хочется просто молчать. Вы продолжаете двигаться вперёд и радоваться каждому новому перевалу, который является вам как награда после каждого затяжного подъёма. Но и подготовка к восхождению способна доставить точно такую же радость, как сам подъём, а отдых на вершине так же прекрасен, как и восторг, который вы испытываете, впервые обозревая горный ландшафт или делая свои первые шаги к вершине. И ни во время подготовки к подъёму, ни уже выйдя на тропу, вы не спрашиваете себя о том, сумеете ли вы достичь вершины. Вы не изобретаете никакого специального карманного моторчика, который помог бы вам безопасно преодолеть последние футы. Вы не сдерживаете собственного восторженного крика, который рвётся из горла, когда вы ступаете на вершину, но и не испытываете при его приближении никакого особенного волнения. Вы просто проживаете каждый шаг, каждую минуту подъёма. В глубине души вы знаете, что взобраться на вершину ничего не стоит, если заранее продумать каждый свой шаг к ней. Вы совершенно уверены в себе, поскольку уже покорили несколько перевалов и хорошо представляете себе, что это такое. Вы никому не позволяете нести себя к вершине и ни минуты не беспокоитесь о том, что подумают или скажут ваши завистливые соседи, когда узнают, чем вы тут занимаетесь. Пусть некоторые из них делают то же, что и вы, в то время как другие только мечтают об этом – вас это не касается, вы оставили их далеко позади.

Полный, естественный контакт подобен таким горным прогулкам. Он мало чем отличается от других жизненных функций – и столь же важных, и второстепенных. И Жить в полном смысле слова означает полностью отдаваться любым жизненным проявлениям, пусть это будет работа, беседа с друзьями, воспитание детей, разговор, живопись или что-либо иное.

Генитальный контакт естественным образом вырастает из постепенно развивающегося, всеохватного телесного стремления к слиянию с другим телом. Это ясно видно из наблюдений за птицами, жабами, бабочками, улитками, спаривающимися оленями и другими живыми существами, ведущими ничем не стеснённый образ жизни. Завершающий восторг полной энергетической разрядки во время оргазма является непосредственным результатом продолжительного накопления удо-

вольствий низшего порядка. Эти маленькие радости обладают способностью, с одной стороны, доставлять счастье, а с другой – пробуждать стремление к большему. Но совсем не всегда эти маленькие удовольствия приводят к финальному, высшему блаженству. Так две бабочки, самец и самочка, могут часами играть друг с другом, а потом расстаться, так и не вступив в контакт. Они могут пойти дальше и соединиться, но без проникновения. Но стоит им только объединить свои энергетические системы, и они пойдут в этом деле до конца, не разочаровав друг друга, если только им не помешает энтомолог-энтузиаст или голодная птица. Всё дело в том, что специфически генитальному возбуждению обязательно должно предшествовать общее возбуждение всего организма. Оргастическая потенция и возникает именно из этого общего, а не генитального возбуждения. Половые органы являются лишь инструментом взаимного проникновения и вступают в действие уже *после* того, как – задолго до финального события – произошло слияние оргонных энергетических полей.

На этой начальной стадии контакт полов носит достаточно спокойный характер. Никто никого не хватает, не давит, не лапает, не подталкивает, не сжимает в объятиях и не щиплет. Каждый из участников заходит настолько далеко, насколько это диктуется ситуацией, – и не дальше. Так, например, мужчина может сильно любить женщину, испытывать к ней самое глубокое влечение, но, даже встречаясь с ней каждый день, он может не пойти дальше тёплого дружеского рукопожатия или поцелуя в губы. Когда же генитальный контакт станет для обоих необходимостью, он неизбежно произойдёт, ибо в этот момент каждому из партнёров без всяких слов станет ясно, что они готовы шагнуть за рамки привычных отношений. Сама природа позаботится об этом, включив на полную мощность свои чудесные механизмы объединения двух живых существ.

И точно так же, как эти двое позволили своей любви развиваться неторопливо, естественно и настолько далеко, насколько ЕИ этого хотелось; точно так же, как они узнали о наступлении подходящего момента для совершения решающего шага, точно так же и их тела будут знать, как им соединиться. Они станут открывать чувства друг друга и черпать в этом процессе ни с чем несравнимое наслаждение. Они станут исследовать изгибы тел друг друга и определять, насколько – в каждую конкретную минуту – они готовы отдавать; это тоже неизбежно. В конце концов в свой первый раз они могут ощутить, что их тела готовы дойти до таких-то и таких-то пределов и не дальше. И если их генитальный контакт не вырос самым естественным образом из всего, что предшествовало этой заключительной фазе, они могут отказаться от слияния и расстаться – навсегда или просто на несколько дней. Эта пауза может помочь им «структурировать» свой совместный опыт, освоиться друг с другом, привыкнуть к методу, с помощью которого каждый из них под-

готовавливает себя к ещё большим свершениям. И ни малейший намёк на диктат, на обладание партнёром как вещью, никакая необходимость доказывать свои способности не испортят им удовольствия. Здесь просто нечего «доказывать», «достигать», «получать»...

Сладостное слияние двух организмов либо есть, либо его нет. Оно может прийти лишь на несколько мгновений и с такой же лёгкостью может уйти. Его нельзя вызвать сознательно и нельзя задержать силой. Если оно не задержится само и не начнёт расти, никакой контакт не сможет превратиться в генитальное соитие. И если последнее развивается само по себе, без соответствующего ему ощущения нарастающего сладостного единения, то впоследствии партнёры непременно пожалуют об этом обстоятельстве, способном не только отравить их радость, но и вовсе погубить её. Таким образом, бережное отношение к высшему и полному наслаждению является лучшим способом сохранения способности к саморегуляции в оргономическом совмещении мужского и женского.

Сам оргазм происходит тогда, когда должен произойти, а не когда он или она «хотят» его. Оргазм нельзя «желать» и нельзя «получить», словно бутылку пива в баре.

Оргазм в своём подлинном биологическом смысле является результатом равномерно нарастающей волны возбуждения; он не есть что-то готовое, что можно получить, если хорошо постараться. Оргазм – это колебание единого энергетического поля, задолго до слияния двух организмов существовавшего как два энергетических поля; больше того, после слияния оно снова разделится, образовав два отдельных существа. В биоэнергетическом смысле оргазм равносителен полной утрате индивидуальности и переходу на новый уровень бытия; он не имеет ничего общего с существовавшим в больных умах людей и первого, и двадцатого столетий, представлением о том, что женщина получает оргазм от мужчины, а мужчина – от женщины. Доказательством этого утверждения может случить тот факт, что подобное «получение» оргазма полностью прекращается после соответствующего лечения, в то время как подлинное биоэнергетическое слияние не только никуда не девается, но и становится ещё более интенсивным. И это представляется весьма важным.

Оргазм – событие, которое *происходит* в двух живых организмах; он не есть нечто, к чему следует стремиться и чего «следует достичь». Он похож на внезапный выброс протоплазмы движущейся амёбой. Также оргазм невозможно «иметь» с каждым. Трахаться можно с кем угодно, поскольку единственное, чего требует этот процесс, это достаточно продолжительного трения гениталий о гениталии, способного вызвать выброс семенной жидкости или ощущение зуда. На самом деле оргазм – это нечто большее, нечто совершенно иное в своей основе, чем просто сильный зуд. Его нельзя добиться, царапаясь и кусаясь. Когда мужчина и женщина царапаются и кусаются, они просто стараются любым спо-

собом и во что бы то ни стало достичь биоэнергетического контакта. Оргастический контакт случается с организмами, и его вовсе не надо «устанавливать». Всё дело в том, что он появляется только в присутствии вполне определённых организмов и отсутствует в большинстве других случаев. Следовательно, он является главным фундаментом настоящей сексуальной этики.

Организм, главной задачей которого является «трахнуть» кого-то, вынужден «стремиться» к оргазму, чтобы «достичь» его. Это приводит к мастурбации или к «занятиям любовью». Истинно любящий организм может позволить себе с головой окунуться в поток чувств и отдаться течению, оставаясь при этом полновластным хозяином положения, подобно тому, как опытный гребец, сплавляясь по бурной горной реке, продолжает тем не менее уверенно управлять своим каноэ. Так опытный наездник, сидящий верхом на горячем чистокровном скакуне, может позволить себе задуматься о чём-то постороннем, продолжая полностью контролировать лошадь. Закоснелому же организму приходится прилагать значительные усилия, чтобы достичь оргазма. Это можно сравнить разве что с бегом в мешках, когда человеку приходится прилагать колоссальные усилия, чтобы продвинуться вперёд, и всё же он не бежит, а ковыляет. К концу дистанции он совершенно выматывается, но на его бег всё равно нельзя смотреть без слёз.

«Трахающий» сохраняет холодную, трезвую голову на протяжении всего акта (словечко «акт» прекрасно передаёт сущность происходящего). Он может «кончить», может «сделать», «исполнить», «совершить», «произвести» это когда угодно и где угодно, словно сорвавшийся с привязи неистовый бык или жеребец, который несколько лет не видел самки. Существуют особая, искусно разработанная система приёмов и уловок, предназначенная для того, чтобы привлечь внимание женщины и соблазнить её. Но жизненная ценность подобной активности невелика; её можно сравнить разве что с буксировкой неисправного автомобиля, передние колеса которого заброшены на платформу аварийного грузовика.

Внутренний характер и структура любовной функции определяют абсолютно все особенности остальных видов деятельности индивида. Развратник будет рваться в бой, будет получать, добиваться, делать выпады и отступать, разрабатывать особую технику, чтобы как можно скорее добиться желаемого. При этом объект его устремлений всегда будет оставаться жертвой того, что с ним или с ней делает партнёр. Но личность генитального типа всегда предоставит событиям происходить, идти своим чередом; такой человек активно и полностью отдаётся тому, что он делает, начиная с любви к женщине или к мужчине и заканчивая созданием своей организации или фирмы.

И развратник, и его жертва будут в равной степени стремиться к такой генитальной личности в надежде научиться быть такими же. Из этого естественного побуждения одетого в «броню» организма, из его желания

уподобиться свободно действующему Христу с непреодолимой логикой вытекает финальная трагедия. От этой трагической развязки, которая затрагивает всех – и Христа, и развратника с его жертвой, – никуда не деться; она неизбежна в любое время, в любой стране и в любом общественном слое, пока эти два способа жить продолжают сталкиваться между собой. Но Детям Будущего придётся расти на ничейной территории между этими двумя лагерями, и найти ответ на вопрос, как уберечь их от рождаемой этой трагедией эмоциональной чумы, – задача огромной важности для любой системы рационального воспитания, которая может появиться в грядущем, ибо нет ни одной проблемы раннего или подросткового воспитания, которая в той или иной степени не зависела бы от организации воспитательной системы, от степени её отказа от предпосылок и условий, которые снова и снова воспроизводят Убийство Христа.

С точки зрения современного исследователя характеров, вооружённого к тому же оргономической теорией, Христос обладал всеми основными признаками генитального субъекта. Он, наверное, не мог бы так любить детей, людей и природу, не умел бы так остро чувствовать жизнь, не действовал и не ходил бы с таким изяществом, если бы страдал от острого генитального разочарования. Все главные приметы такого разочарования – грязные мыслишки, похотливость, жестокость в суждениях и поступках, напускная кротость – всё это настолько несовместимо со сложившимся у нас образом Христа, что мы невольно начинаем задумываться над загадкой, почему до сих пор ни один человек этого не понял. Это, однако, ничуть не удивительнее того факта, что до сих пор ни один биолог ни разу не упомянул о волнообразной оргономической пульсации живых организмов и ни один психогигиенист не сказал вслух о том, насколько жестоким может быть генитальное разочарование в период полового созревания.

Не может быть никаких сомнений: *Христос знал телесную любовь и знал женщин, как знал великое множество иных, совершенно естественных вещей.* Его доброта, его внутренний свет и готовность к контакту, его осознание бренности человека, его способность понимать грешников, прелюбодеев, шлюх отчаявшихся не могут, наверное, быть объяснены никакими иными биологическими причинами. Мы знаем, что женщины любили Христа – это были нормальные, красивые, страстные женщины. И это тоже чрезвычайно важно для понимания того, почему Христос в конце концов был убит. Думать иначе – значит открыто пренебрегать логикой и ничего не понимать в устройстве окружающего мира. Независимые авторы – такие, как Ренан, – вполне ясно и недвусмысленно высказывали эту мысль, и каждый последователь Христа, обладающий ясным умом, тоже знает эту тайну!

Тем более удивительным и непостижимым представляется тот факт, что жизнь Христа сделалась основой религии, которая – вопреки всему, что делал и говорил её основатель, – изгнала из своих храмов саму

первооснову естественного функционирования организма и самым жестоким образом преследовала не что иное, как телесную любовь. Но и этому тоже будет дано соответствующее рациональное объяснение.

Список литературы

1. Ренан Э. Жизнь Иисуса. М.: Изд. предприятие «Обновление», 1991. 335 с.
2. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре: Трактаты / Пер. с франц. А.Д. Хаютина и В.С. Алексеева-Попова. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 1998. 414 с.

PSYCHOANALYTICAL ANTHROPOLOGY

Wilhelm REICH (1897–1957)

Austrian and American psychologist, one of the founders of the European School of Psychoanalysis

THE TRAP

“**M**an is born free; and everywhere he is in chains. One thinks himself the master of others, and still remains a greater slave than they. How did this change come about? I do not know”.

Jean Jacques Rousseau asked this question in the very beginning of his “Social Contract” some two hundred years ago. Unless the answer is found to this basic question, there is little use in setting up new social contracts. *There has for many ages been something at work within human society that rendered impotent any and every single attempt to get at the solution of the great riddle, well known to all great leaders of humanity during the past several thousands of years: Man is born free, yet he goes through life as slave.*

No answer has been found till now. There must be something at work in human society that obstructs the asking of the correct question to reach the right answer. All human philosophy is riddled with the nightmare of searching in vain.

Something, well hidden, is at work, that does not permit posing the right question. There is, accordingly, something in operation that continuously and successfully *diverts attention* from the carefully camouflaged access to where attention should be focused. The tool used by the wellcamouflaged something to divert attention from the cardinal riddle itself, is human EVASIVENESS with regard to living Life. The hidden something is THE EMOTIONAL PLAGUE OF MAN.

On the correct formulation of the riddle will depend the proper focusing of attention, and on this in turn will depend the eventual finding of the correct answer as to how it is possible that man is born free everywhere and yet finds himself in slavery everywhere.

Certainly, social contracts, if honestly designed to maintain life in human society, are crucial tasks. But no kind of social contract will ever solve the problem of human agony. The social contract, at best, is no more than a makeshift to maintain life. It has heretofore not been able to remove the agony of life.

These are the constituents of the great riddle:

Man is born equal, but he does not grow equal.

Man has created great teachings, yet each simple teaching has served his oppression.

Man is the "Son of God", created in His image; yet man is "sinful", a prey of the "Devil". How can the Devil and Sin be, if God alone is the creator of all being?

Humanity has failed to answer the question as to how there can be EVIL if a perfect GOD has created and governs the world and man.

Humanity has failed in establishing a moral life in accordance with its creator.

Humanity has been ravaged by war and murder of all sorts ever since the inception of written history. No attempt to remove this plague has ever succeeded.

Humanity has developed many kinds of religions. Every single kind of religion turned into another way of suppression and misery.

Humanity has devised many systems of thought to cope with Nature. Yet nature, functional and not mechanical, as it really is, has slipped through its fingers.

Humanity has run after every bit of hope and knowledge. Yet, after three thousand years of search and worry and heartbreak and murder for heresy and persecution of seeming error, it has arrived at little more than a few comforts for a small sector of humanity, at automobiles and airplanes and refrigerators and radios.

After thousands of years of concentration upon the riddle of the nature of man, humanity finds itself exactly where it started: with the confession of utter ignorance. The mother is still helpless in the face of a nightmare which harrasses her child. And the physician is still helpless in the face of such a small thing as a running nose.

It is commonly agreed that science reveals no permanent truth. Newton's mechanical universe does not fit the real universe which is not mechanical but functional. Copernicus' world picture of "perfect" circles is wrong. Kepler's elliptical paths of the planets are nonexistent. Mathematics did not turn out to be what it so confidently promised to be. Space is not empty; and nobody has ever seen atoms or the airgerms of amebas. It is *not* true that chemistry can approach the problem of living matter, and the hormones did not keep their promises either. The repressed unconscious, supposedly the last word in psychology, turns out to be an artifact of a brief period of civilization of a mechanomystical type. Mind and body, functioning in one and the same organism, are still separated in man's thinking. Perfectly exact physics is not so very exact, just as holy men are not so very holy. Finding more stars or comets or galaxies won't do it. Neither will more mathematical formulas accomplish it. Philosophizing about the meaning of Life is useless as long as one does not know *what Life is*. And, since "*God*" is *Life*, which is certain, immediate knowledge common to all men, there is little use in searching or serving God if one does not know what one serves.

Everything seems to point to one single fact: *There is something basically and crucially wrong in the whole setup of man's procedure of learning to know himself.* The mechano-rationalistic view has completely broken down.

Locke and Hume and Kant and Hegel and Marx and Spencer and Spengler and Freud and all the others were truly great thinkers, but somehow it left the world empty after all and the mass of mankind remained untouched by all the philosophical digging. Modesty in proclaiming truth won't do it, either. It is often no more than a subterfuge for hiding one's evasion of the crucial point. Aristotle, who governed thinking for many centuries, turned out to be wrong, and little can be done with Plato's or Socrates' wisdom. Epicurus did not succeed and neither did a single saint.

The temptation to join the Catholic point of view is great after the deleterious experience of the latest great effort of humanity, made in Russia, to come to grips with its fate. The devastating effect of such attempts has revealed itself too drastically. Wherever we turn we find man running around in circles as if trapped and searching the exit in vain and in desperation.

It IS possible to get out of a trap. However, in order to break out of a prison, one first must confess to *being in a prison.* *The trap is man's emotional structure, his character structure.* There is little use in devising systems of thought about the nature of the trap if the only thing to do in order to get out of the trap is to know the trap and to find the exit. Everything else is utterly useless: Singing hymns about the suffering in the trap, as the enslaved Negro does; or making poems about the beauty of freedom *outside* of the trap, dreamed of *within* the trap; or promising a life outside the trap after death, as Catholicism promises its congregations; or confessing a *semper ignoramus* as do the resigned philosophers; or building a philosophic system around the despair of life within the trap, as did Schopenhauer; or dreaming up a superman who would be so much different from the man in the trap, as Nietzsche did, until, trapped in a lunatic asylum, he wrote, finally, the full truth about himself – too late....

The first thing to do is to find the exit out of the trap.

The nature of the trap has no interest whatsoever beyond this one crucial point: WHERE IS THE EXIT OUT OF THE TRAP?

One can decorate a trap to make life more comfortable in it. This is done by the Michelangelo's and the Shakespeare's and the Goethe's. One can invent makeshift contraptions to secure longer life in the trap. This is done by the great scientists and physicians, the Meyers and the Pasteur's and the Flemings. One can devise great art in healing broken bones when one falls into the trap.

The crucial point still is and remains: to find the exit out of the trap. WHERE IS THE EXIT INTO THE ENDLESS OPEN SPACE?

The exit remains hidden. It is the greatest riddle of all. The most ridiculous as well as tragic thing is this:

THE EXIT IS CLEARLY VISIBLE TO ALL TRAPPED IN THE HOLE. YET NOBODY SEEMS TO SEE IT. EVERYBODY KNOWS WHERE THE EXIT IS. YET NOBODY SEEMS TO MAKE A MOVE TOWARD IT. MORE:

WHOEVER MOVES TOWARD THE EXIT, OR WHOEVER POINTS TOWARD IT IS DECLARED CRAZY OR A CRIMINAL OR A SINNER TO BURN IN HELL.

It turns out that the trouble is not with the trap or even with finding the exit. The trouble is WITHIN THE TRAPPED ONES.

All this is, seen from outside the trap, incomprehensible to a simple mind. It is even somehow insane. *Why don't they see and move toward the clearly visible exit?* As soon as they get close to the exit they start screaming and run away from it. As soon as anyone among them tries to get out, they kill him. Only a very few slip out of the trap in the dark night when everybody is asleep.

This is the situation in which Jesus Christ finds himself. And this is the behaviour of the victims in the trap when they will kill him.

The functioning of living Life is all around us, within us, in our senses, before our noses, clearly visible in every single animal or tree or flower. We feel it in our bodies and in our blood. Yet it remained for the trapped ones the greatest, most inaccessible riddle of all.

However, Life was not the riddle. The riddle is how it could have remained unsolved for such a long period of time. The great problem of biogenesis and bio-energetics is easily accessible by direct observation. The great problem of Life and the origin of Life is a *psychiatric* one; it is a problem of the character structure of Man who succeeded so long in evading its solution. The cancer scourge is not the big problem it seems to be. The problem is the character structure of the cancer pathologists who in so masterly a way have obfuscated it.

It is the BASIC EVASION OF THE ESSENTIAL which is the problem of man. This evasion and evasiveness is a part of the deep structure of man. The running away from the exit out of the trap is the result of this structure of man. Man fears and hates the exit from the trap. He guards cruelly against any attempt at finding the exit. This is the great riddle.

All this certainly sounds crazy to the living beings in the trap. It would mean certain death for the speaker of such crazy things if he were within the trap together with them; if he were a member of a scientific academy which spends much time and money on studying the details of the walls of the trap. Or, if he were a member of a church congregation which prays, in resignation or hope, to get out of the trap. Or if he were the provider for a family whose only concern is not to starve in the trap. Or if he were an employee of an industrial concern which does its best to make life in the trap as comfortable as possible. It would mean death in one form or another: by ostracism, or by being jailed for the violation of some law, or, under appropriate conditions, the electric chair. Criminals are people who find the exit from the trap and rush toward it, with violence toward the fellow man in the trap. Lunatics who rot away in institutions and are made to twitch, like witches in the middle ages, by way of electric shock, are also trapped men who saw the exit but could not overcome the common horror of approaching it.

Outside the trap, right close by, is living Life, all around one, in everything the eye can see and the ear can hear and the nose can smell. To the victims within the trap it is eternal agony, a temptation as for Tantalus. You see it, you feel it, you smell it, you eternally long for it, yet you can never, never get through the exit out of the trap. To get out of the trap simply has become an impossibility. It can only be had in dreams and in poems and in great music and paintings, but it is no longer in your motility. The keys to the exit are cemented into your own character armor and into the mechanical rigidity of your body and soul.

This is the great tragedy. And Christ happened to know it.

If you live in a dark cellar too long, you will hate the sunshine. You may even have lost the power of the eye to tolerate light. From this comes hate toward sunlight.

The living beings in the trap, in order to adjust their offspring to the life in the trap, develop elaborate techniques to keep life going on a tight, low level. There is not space enough in the trap for great swings of thought or action. Every move is restricted on all sides. This has, in the long run of time, had the effect of crippling the very organs of living Life. The sense of a full life itself has gone from the creatures in the trap.

Still, a deep longing for happiness in life and a memory of a happy Life long past, before the entrapment, has remained. But longing and memory cannot be lived in real life. Therefore, *hatred of Life* has grown from this tightness.

Let us subsume all manifestations of this hatred against the Living under the heading "MURDER OF CHRIST". Jesus Christ had fallen prey to the *Hatred of the Living* on the part of his contemporaries. His tragic fate offers itself as a lesson in what our future generations will encounter when they will reestablish the laws of Life. Their fundamental task will be coping with human malignancy ("Sin"). As we search along this trail, trying to get a glimpse of future possibilities, good and bad, Christ's story acquires a tragic significance.

The secret of why Jesus Christ had to die still stands unsolved. We shall experience this tragedy of two thousand years ago, which had such tremendous effects upon the destiny of mankind, as a logical *necessity* within the domain of armored man. The true issue of the murder of Christ has remained untouched over a period of two thousand years, in spite of the countless books, studies, examinations and investigations of this murder. The riddle of the murder of Christ has remained hidden within a domain entirely removed from the vision and thought of many diligent men and women; and this very fact is a part of the secret. The murder of Christ represents a riddle which harrassed human existence at least over the whole period of written history. It is the problem of the *armored* human character structure, and not of Christ alone. Christ became a victim of this human character structure because he had developed the qualities and manners of conduct which act upon the armored character structure like red color upon the emotional system of a wild bull. Thus, we may say that *Christ presents the principle of Life per se*. The form was determined

by the epoch of Jewish culture under Roman rule. It is of little importance whether the murder of Christ occurred in 3000 B.C. or 2000 A.D. Christ would certainly have been murdered at any time and in any culture if the conditions of the clash between the *life principle* (OR) and the *emotional plague* (EP) had been socially given in a manner similar to what they were in the old Palestine of Christ's time.

It is a basic characteristic of *the murder of the Living by the human armored animal*, that it is camouflaged in many ways and forms. The superstructure of human social existence, such as economics, warfare, irrational political movements and social organizations which serve the suppression of Life, are drowning out the basic tragedy that besets the human animal, in a flood of what we may call rationalizations, cover-ups, evasions of the true issue; in addition to all this, it can rely on a perfectly logical and coherent rationality which is valid only *within* the framework of law versus crime, state versus people, morals versus sex, civilization versus nature, police versus criminal and so forth all along and down the line of human misery. There is no chance whatsoever to ever penetrate through this mire unless one has put oneself outside the holocaust and has made oneself inaccessible to the big noise. We are hurrying to assure the reader that we do not consider this noise and empty busyness as merely irrational, as nothing but aimless and senseless activity. It is a crucial characteristic of the tragedy that this nonsense is valid, *meaningful* and *necessary*, though only within its own realm and under certain given conditions of human conduct. But here the plague irrationality rests on sound rock bottom. Even the silence which engulfed the orgasm function, the life function, the murder of Christ and similar crucial issues of human existence for millennia makes good sense to the prudent student of human behaviour.

The human race would meet with the worst, most devastating disaster if it obtained full knowledge of the Life function, of the orgasm function or of the secret of the murder of Christ with one stroke as a whole. There is very good reason and a sound rationality in the fact that the human race has refused to acknowledge the depth and the true dynamics of its chronic misery. Such a sudden breaking-in of knowledge would incapacitate and destroy everything that still somehow keeps human society going in spite of wars, famine, emotional mass killing, infant misery, etc.

It would amount to insanity to initiate such major projects as "*Children of the Future*" or "*World Citizenship*" without comprehending how it was possible that all this misery went on for millennia unabated, unrecognized, unchallenged; that not a single one of the many brilliant attempts at clarification and relief was successful; that with every step toward the fulfillment of the great dream, the misery only deepened and got worse; that not a single religious creed succeeded in realizing its objectives in spite of the best of intentions; that every single great deed turned into a menace to humanity, as for instance, socialism and brotherhood which became statism and oppression of man of

the worst sort. In short, to consider such serious projects without first looking around and learning what murdered humanity for ages, would be criminal. It would only add more misery to the existent one. At present, thorough investigation of the murder of Christ is far more important than the most beautiful children we may be able to raise. Every hope of ever breaking through the mire of educational misery would be lost forever, irretrievably, if this new and so hopeful attempt at a new type of raising infants would bog down and turn into its very opposite, as have all former hopeful tasks ever set up by human souls. And let there be no mistake about it: *The reshaping of the human character structure through a radical change in the total aspect and practice of raising children, deals with Life itself.* The deepest emotions the human animal can ever reach far outdistance any other function of existence in scope, depth and fatefulness. Also, the ensuing misery would be correspondingly deeper and greater if this crucial attempt would fail and degenerate. There is nothing more devastating than Life which was irritated and thwarted by frustrated hope. Let us never forget this.

We cannot possibly try to work out this problem in a perfect, academic, detailed fashion. We can do no more than scan the territory to see where treasures are hidden for possible future use, where wild animals are roaming the countryside, where hidden traps are set to kill the invader, and how it all works. We do not wish to get bogged down in our own impatience, in our own daily routine, or even in interests which have nothing whatsoever to do with the problem of education. At a meeting of orgonomic educators several years ago, the fact was mentioned that education is a problem for the next few centuries. It appeared most likely that the first few generations of Children of the Future will not be able to withstand the manifold impacts of the emotional plague. They would certainly have to yield here and there; we do not know exactly in what way. But there *is* hope that slowly a general awareness of Life would develop in these new type children and would spread over the whole human community. The educator who makes a profitable business out of education would not be interested in education if he believed this were so. Let us beware of this type of educator.

The educator of the future will do systematically (not mechanically) what every good, true educator does today: He will *feel* the qualities of living Life in the child, he will *recognize* its specific qualities and *promote* their development to the fullest. As long as the social trend remains what it is to such an overpowering extent today, i.e., directed *against* these inborn qualities of living emotional expression, the true educator will have a double task: He will have to know the natural emotional expressions as they vary with each child, and he will have to learn how to handle the close and the remote social environment as it steps up against these alive qualities. Only in some distant future, when such conscious upbringing of children will have straightened out the severe contradiction of culture and nature, when man's bio-energetic and social living will no longer oppose each other, but will support, supplement,

and enhance each other – only then will this task lose its dangerousness. We must be prepared that this process will be slow, painful, and that it will require much sacrifice. Many victims will be lost to the emotional plague.

Our next task is to outline the basic, typical characteristics of the clash between the inborn, highly variable emotional expressions of the infant and those qualities in the mechanized, armored human structure which will generally and specifically hate and fight these qualities.

Regardless of the innumerable variations in human conduct, character analysis has so far succeeded in outlining basic patterns and lawful sequences in human reactions. It has done so extensively with regard to the neuroses and psychoses. We shall not attempt to do the same with regard to the typical dynamics of the *emotional plague*. Specific descriptions of the individual plague reactions will have to be done amply in order to equip the educator and physician with the necessary detailed knowledge.

In the Christian world and the cultures directly or indirectly influenced by Christianity, a contradiction between “sinful man” and his “God” is sharply pronounced. Man was born in the “likeness of God!” He is encouraged to become “godlike”. Yet, he is “sinful”. How is it possible that “sin” came into this world if it was created by “God?” In his actual behaviour, man comprises both the godlike and the sinful. The “godlike” was there first, then “sin” broke into his existence. The conflict between the ideal of God and the reality of sin derives from a catastrophe which turned the godly into the devilish. This is true for his past social history as well as for the development of every single child ever since a mechano-mystical civilization has begun to drown out the “godlike” qualities in man. Man derives from paradise and he keeps longing for paradise. Man has somehow emerged from the universe and he yearns to return to it. These are factual realities if we learn to read the language of his emotional expressions. Man is basically good, but he is also a brute. The change from good to “brutish” actually happens in every single child. God is, therefore, INSIDE man, and not to be sought for outside alone. The Kingdom of Heaven is the Kingdom of the inner grace and goodness, and not the mystical “beyond” with angels and devils into which the brute in the human animal has turned its lost paradise.

The cruel persecutor and murderer of Christ, Saul of Tarsus, had clearly, but in vain, distinguished between the “BODY”, which was god-given and good, and the “FLESH”, which was devil-ridden and bad, to be burned at the stake one thousand years later when he turned Paul, the church builder, himself. In the distinction between the “*body*” and the “*flesh*” in early Christianity, our present organomic distinction between the “*primary*”, naturally inborn drives (“God”), and the “*secondary*”, perverted, evil drives (“Devil”, “Sin”) was anticipated. Thus mankind was always somehow aware of its crucial biological plight, of its natural endowment as well as of its biological degeneration. In the Christian ideology, the sharp antithesis of “GOD” (spiritualized body)

and “DEVIL” (body degenerated to flesh), this tragedy is plainly known and expressed. In real man, the “god-given” genital embrace has turned into the pornographic 4-lettering male-female intercourse.

Original sin – a mystery

Life is plastic; it adjusts to every condition of its existence with or without protests, with or without deformation, with or without revolt. This plasticity of living Life, one of its greatest assets, will be one of its slave chains when the Emotional Plague will learn to misuse the plasticity of Life to its own ends. One and the same Life is different at the bottom of the deep sea, and different on a high mountain ridge. It is different in the dark cave and different again within the blood vessel. It was different in the Garden of Eden, and different in the trap that caught humanity. Life knows nothing of traps in the Garden of Eden; it just lives paradise, innocently, gayly, without an inkling of a different kind of life. It would refuse to listen to an account of life in the trap; and, if it listened, it would comprehend it with its “brain” only, not with its heart. Life in paradise is fully adapted to the conditions in paradise.

Within the trap, Life lives the life of souls caught in a trap. It adjusts quickly and completely to the Life in a trap. This adjustment goes so far that nothing will remain beyond a faint memory of Life in paradise, once Life has been caught in a trap. Restlessness, hurry, nervousness, a dim longing, a dream long past – yet, still around somehow – will be taken for granted. No trace of an inkling that these are signs of a dim memory of Life in paradise long past will disturb the peace of soul of the captives. The adjustment is complete. It reaches proportions beyond the limits of reason.

The Life in the trap will soon become completely self-absorbed as Life in a prison is supposed to be. Certain character types will develop which will belong to Life in the trap, and would not make sense where Life walks the world freely. These characters, molded by bearing Life in prison, will greatly vary among themselves. They will disagree and fight each other. They will, each in his own manner, proclaim the absolute truth. Only ONE characteristic will they all have in common: *They will join together and kill in unison whoever will dare to ask the basic question: “HOW IN THE NAME OF A MERCIFUL GOD DID WE EVER MANAGE TO GET INTO THE UGLY PREDICAMENT OF THIS NIGHTMARE OF A TRAP???”*

WHY DID MAN LOSE PARADISE? and

WHAT DID HE ACTUALLY LOSE WHEN HE FELL VICTIM TO SIN?

Man in the trap has, over the millenia, created a great book: the BIBLE. This book is the story of his fights and anguishes and glories and hopes and longings and sufferings and sinnings in the entrapment. It has been thought and written in many languages by many different people. Some of its basic features can be found in places far apart, in the written and unwritten memory

of man. That things had, once upon a time long past, been quite different, that somehow man once had fallen to the devil, to sin and ugliness, is common to all accounts of the distant past.

The bibles of the world are the accounts of man's fight against man's sin.

There is so much the Bible tells about the life in the trap, and *so little about how men got into the trap*. It is obvious that the exit out of the trap is exactly the same as the entrance into the trap, through which they were driven from paradise. Now, why does nobody say anything about it except in a very few paragraphs which are as one to a million to the rest of the Bible, and in a veiled language which is meant to conceal the meaning of the words?

The downfall of Adam and Eve is obviously, beyond any doubt due to something they did against the Laws of God in a *genital* way:

"And they were both naked, the man and his wife, and were not ashamed".
(Genesis 2: 25)

From this it follows that in paradise man and woman were not aware or ashamed of nakedness, and this was God's will, and the way of Life. Now, what happened? The Bible says (Genesis 3: 1-24):

Now the serpent was more subtil than any beast of the field which the Lord God hath made. And he said unto the woman, Yea, hath God said, Ye shall not eat of every tree of the garden?

And the woman said unto the serpent, We may eat of the fruit of the trees of the garden;

But of the fruit of the tree which is in the midst of the garden, God hath said, Ye shall not eat of it, neither shall ye touch it, lest ye die.

And the serpent said unto the woman, Ye shall not surely die:

For God doth know that in the day ye eat thereof, then your eyes shall be opened, and ye shall be as gods, knowing good and evil.

And when the woman saw that the tree was good for food, and that it was pleasant to the eyes, and a tree to be desired to make one wise, she took of the fruit thereof, and did eat, and gave also unto her husband with her; and he did eat.

And the eyes of them both were opened, and they knew that they were naked; and they sewed fig leaves together, and made themselves aprons.

And they heard the voice of the Lord God walking in the garden in the cool of the day: and Adam and his wife hid themselves from the presence of the Lord God amongst the trees of the garden.

And the Lord God called unto Adam, and said unto him, Where art thou?

And he said, I heard thy voice in the garden, and I was afraid, because I was naked; and I hid myself.

And he said, Who told thee that thou wast naked? Hast thou eaten of the tree, whereof I commanded thee that thou shouldest not eat?

And the man said, The woman whom thou gavest to be with me, she gave me of the tree, and I did eat.

And the Lord God said unto the woman, What is that that thou hast done? And the woman said, The serpent beguiled me, and I did eat.

And the Lord God said unto the serpent, Because thou hast done this, thou art cursed above all cattle, and above every beast of the field; upon thy belly shalt thou go, and dust shalt thou eat all the days of thy life:

And I will put enmity between thee and the woman, and between thy seed and her seed; it shall bruise thy head, and thou shalt bruise his heel.

Unto the woman he said, I will greatly multiply thy sorrow and thy conception; in sorrow thou shalt bring forth children; and thy desire shall be to thy husband, and he shall rule over thee.

And unto Adam he said, Because thou hast hearkened unto the voice of thy wife, and hast eaten of the tree, of which I commanded thee, saying, Thou shalt not eat of it: cursed is the ground for thy sake; in sorrow shalt thou eat of it all the days of thy life;

Thorns also and thistles shall it bring forth to thee; and thou shalt eat the herb of the field;

In the sweat of thy face shalt thou eat bread, till thou return unto the ground; for out of it wast thou taken: for dust thou art, and unto dust shalt thou return.

And Adam called his wife's name Eve; because she was the mother of all living.

Unto Adam also and to his wife did the Lord God make coats of skins, and clothed them.

And the Lord God said, Behold, the man is become as one of us, to know good and evil: and now, lest he put forth his hand, and take also of the tree of life, and eat, and live for ever:

Therefore the Lord God sent him forth from the garden of Eden, to till the ground from whence he was taken.

So he drove out the man; and he placed at the east of the garden of Eden Cherubims, and a flaming sword which turned every way, to keep the way of the tree of life.

There was a serpent in paradise “more subtil than any beast of the field which the Lord God had made”. To the Christian commentator, the serpent, in his Edenic form, is not to be thought of as a writhing reptile. The serpent originally was “the most beautiful and subtle of creatures”. Traces of that beauty remain despite the (later) curse. Every movement of the serpent is graceful, and many species are beautifully colored. In the serpent, Satan first appeared as an angel of light. The serpent, thus, is a symbol of Life itself and the male phallus.

Then, somehow, out of nowhere as it were, disaster strikes. Nobody knows or has ever known or ever will find out how and why it happened: The most beautiful serpent, the “Angel of Light”, the “most subtle of creatures”, “less than man”, is cursed and becomes “God’s illustration in nature of the effect of sin”: it changes from “the most beautiful and subtle of creatures to a loathsome reptile”.

And, as if a special counsel had met to veil the most dramatic, the most devilish, the most disastrous happening in the history of the human race, and to remove it forever and ever from any grasp by intellect or heart, this catastrophe becomes mysterious and untouchable; it becomes a part of the great mystery of the entrapment of man; it doubtless contains the solution to the riddle as to why man in the trap refuses to simply walk out of the trap using the exit through which he had come into the trap. The Biblical interpreter himself says at this point: "The deepest mystery of the atonement is intimated here", i.e., in the change of the serpent from the "most beautiful and subtle of creatures to a loathsome reptile".

Why all this? Let's hear.

There was a peculiar tree in the Garden of Eden, and God had said to man in paradise: "Ye shall not eat of every tree of the garden".

And the woman said unto the serpent, We may eat of the fruit of the trees of the garden;

But of the fruit of the tree which is in the midst of the garden, God hath said, Ye shall not eat of it, neither shall ye touch it, lest ye die.

(Genesis 3: 2,3)

Did anyone ever in the course of six thousand years explain that tree? No one ever did so. Why? The mystery of this tree is a part of the mystery of man's entrapment. A solution of the mystery of the tree could possibly answer the predicament why man is in the trap. The solution of the mystery of the forbidden tree would certainly point to the entrance to the trap, which, used the other way around, would become an exit *out* of the trap. Accordingly, no one ever thought of solving the riddle of the forbidden tree, and everybody in the trap was busy for millenia to scholasticize, talmudize and exorcise the predicament of being within the trap, using millions of books and myriads of words, with one single goal in mind: *To prevent the solution of the riddle of the forbidden tree.*

The serpent, still beautiful and subtle, knew better. "And the serpent said unto the woman, Ye shall not surely die: For God doth know that in the day ye eat thereof, then your eyes shall be opened, and ye shall be as gods, knowing good and evil".

Now, since the beautiful serpent thus brought about man's downfall, what in the name of sanity does all this mean:

If man in paradise, living happily the ways of God, eats from a certain tree, then he will be like God, his eyes will be opened, and he will "know good and evil". *How does such a devilish tree manage to get into God's garden in the first place?*

And if you eat from such a tree which bears the fruit of *knowledge* and you become like God himself, why then do you *lose* paradise? The Bible, to my knowledge, doesn't tell. And it is to be doubted that anyone ever asked such a question. The legend doesn't seem to make sense: If the tree is a tree of

knowledge, to know the difference between good and evil, what's bad, then, in eating of its fruits? If you eat of its fruits, then you certainly can follow God's ways *better*, and not worse. Again, it doesn't make sense.

Or is it forbidden to know God and to be like God, which means to live God's ways, even in paradise?

Or is all this the cooked-up fantasy of man in the trap, regarding a faint memory of a past life outside the trap? It doesn't make sense. Man is haunted all through the ages by the request to know God, to follow God's Ways, to live God's love and life; and when he starts seriously to do so by eating from the tree of knowledge, he is punished, expelled from paradise, and condemned to eternal misery. It simply does not make sense, and we fear that no representative of God on earth has ever asked this question, or even dared to think in its direction.

And when the woman saw that the tree was good for food, and that it was pleasant to the eyes, and a tree to be desired to make one wise, she took of the fruit thereof, and did eat, and gave also unto her husband with her; and he did eat.

And the eyes of them both were opened, and they knew that they were naked; and they sewed fig leaves together, and made themselves aprons.

(Genesis 3: 6,7)

When man thus was first trapped, confusion beclouded his mind. He did not understand why he got into the trap. He felt he must have done something wrong, but he knew not *what* wrong he had done. He had not felt ashamed being naked, and then, suddenly, he felt ashamed of his genital organs. He had eaten from the tree of forbidden "knowledge", which, in Biblical language means, he "*knew*" Eve, he *embraced her genitally*. For this now he has been expelled from the Garden of Eden. God's own most beautiful serpent had seduced them; the symbol of wavy, living Life and of the male sexual organ had seduced them.

From here to the life in the trap there is a wide, deep gap in comprehension. In its adjustment to the life in the trap, Life developed new forms and means of existence; forms and means which were unnecessary in the Garden of Eden, but were crucial for life in the trap.

A silent and suffering and dreaming and toiling mass of humanity, cut off from God's Life, provided the broad foundation on which grew priests, and the prophets against the priests; the kings, and the rebels against the kings; the great healers of man's misery within the trap, and with them the great quacks and the medical "authorities", the traumaturgists and the occultists. With the emperors there came about the freedom peddlers, and with the great organizers of man in the trap were born the political prostitutes, the Barabbases and the sneaking vermin of bandwagon riders; Sin and Crime against the law, and the judges of Sin and Crime and their executioners; the suppression of liberties unlivable in a trap, and the Unions for Civil Liberties within the trap.

Also, from the mire grew great political bodies called “parties”, designed either to keep up what they called the “status quo” within the trap, the so-called “conservatives” (since they tried to preserve the law and order which had been established to keep life in the trap going), and, opposing them, the so-called “progressives” who fought and suffered and died at the gallows for advocating more freedom within the trap. Here and there such progressives conquered power over the conservatives and began to establish “Freedom in the Trap” or “BREAD AND FREEDOM in the Trap”. But, since there was no one who could “give” the broad herd of men bread and freedom, since they had to *work for it*, the progressives soon became conservatives themselves, for they had to maintain law and order just as their eternal enemies, the conservatives, had done before. Later, a new party arose which thought that the *masses* of suffering humanity in the trap should rule Life in the trap, and not the priests or kings or dukes. They tried hard to get the mass of people on their legs and into action; but apart from a few murders and the destruction of the homes of some rich men in the trap, little happened. The broad mass of humanity just repeated what it had heard and seen from above for millenia, and nothing changed; only the misery became greater when a very clever party was formed which promised to humanity a “PEOPLE’S FREEDOM IN THE TRAP” and brought about hell here and there by using all the old and outworn slogans formerly used by the kings and the dukes and the tyrants. The *people’s* freedom parties had, to begin with, until their designs were found out, great success. Their slogan of a “PEOPLE’S” freedom in the trap, as distinguished from other freedoms in the trap, and the use of the old methods of the old kings, worked, since the leaders of this party had come, as little freedom peddlers, from among the herd of entrapped men themselves, and when they obtained power over a little area they were stunned to find how easy it is to push buttons and to see police, armies, diplomats, judges, academic scientists and representatives of foreign powers act according to brief, sharp pulls and pushes on neat buttons. The little freedom peddlers liked that game of push-button-power so much, that they forgot all about “PEOPLE’S FREEDOM IN THE TRAP” and just enjoyed themselves pushing buttons whenever they could in the palaces of the old rulers whom they had murdered. They just went power drunk with joy of pushing buttons on the tables of power machines. But they did not last long and were soon replaced by good, old, decent power-button-pushers, the good, old conservatives who had retained some decency and bearing in their souls as a fading memory from the days of paradise.

They all fought and quarreled with each other, pushed each other here and there, killed their adversaries with or without the law; briefly, they gave a true picture of man’s Sin and the fulfillment of the curse in the Garden of Eden. The mass of entrapped humanity did not really partake in this holocaust of plague-ridden Life in the Trap. From among two billion human souls, no more than a few thousand partook in the turmoil. The rest just suffered, dreamed and waited.... for WHAT? The redeemer, or for something unheard of to happen

to free them; for delivery of their souls from the trap called the body; for reunification with the great world soul or for hell. But dreaming, toiling and waiting were the main occupations of the broad herd of humanity far removed from the political turmoil. There was also great dying in the great wars within the trap, with enemies changing from year to year like people cashing money at a banking counter. It did not matter much, though it hurt. The mass of suffering humanity was waiting for delivery from this sinful life, anyhow, and the few noisemakers did not really amount to much, seen in the perspective of Life or "God" in the Universe.

And God's Life was born in billions of infants everywhere in the trap, but it was killed right away by the people in the trap who either did not recognize God's Life in their infants, or were frightened to death at the sight of living, moving, decent, simple Life. And so it came about that man perpetuated his entrapment. These infants, if left to themselves as God had created them, would certainly have found the exit from the trap. But this was not allowed to happen. It was particularly forbidden during the reign of "THE PEOPLE'S" freedom in the trap. All loyalty had to be for the *trap*, and not for the babies, under punishment of death by the "Great Leader and Friend of All the Entrapped Ones".

References

1. Renan, E. *Zhizn' Iisusa* [Life of Jesus]. Moscow: Obnovlenie Publ., 1991. 335 pp. (In Russian)
2. Rousseau, J.-J. *Ob obshchestvennom dogovore: Traktaty* [The Social Contract], trans. A. Khayutin & V. Alekseev-Popov. Moscow: Kanon-press-Ts Publ., 1998. 414 pp. (In Russian)